

Вопросы истории государства и права

УДК 343.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.1.144

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОСМЫСЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В.В. Антонченко

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной
противопожарной службы МЧС России», г. Санкт-Петербург

Объектом исследования является характер средств и методов борьбы с преступностью, отражающий существо социальных отношений на разных этапах развития общества. Предметом исследования выступает ценностное содержание уголовной политики, определяемое как объективными, так и субъективными детерминантами. Целью является установление взаимосвязи между характером уголовной политики и результатом в сфере охраны правопорядка. Используя историко-правовой метод и ценностно-правовой подход, метод описания и интерпретации, автор делает вывод о том, что принцип талиона и концепция устрашения, веками доминировавшие в стратегии противодействия преступности, не согласуются с основами социального демократического правового государства, высшей целью которого является обеспечение прав человека. Жесткая карательная политика государства не достигает цели предупреждения преступности; наоборот, ужесточение уголовной репрессии провоцирует ее рост. Умножение легального насилия, неадекватное криминальным угрозам, ставит государство на место преступника. Современный подход к пониманию государства и права требует рациональной парадигмы реституции нарушенного преступлением права, не подверженной политической, идеологической и любой другой конъюнктуре. Данная парадигма неизбежно связана с либерализацией уголовного закона и гуманизацией уголовной политики.

Ключевые слова: *преступление, наказание, закон, кара, талион, уголовное право, уголовная политика, история наказания, история уголовного права, цели наказания, гуманизация, исправление.*

Охранительная роль права особенно актуальна в сфере уголовных правоотношений: во-первых, именно на эту отрасль права возложена охрана наиболее важных социальных ценностей и интересов; во-вторых, уголовное право наиболее существенным образом вторгается в сферу личных прав человека и ограничивает их. Эти обстоятельства определяют особую значимость контроля общества, в том числе и средствами юридической науки, за процессами и тенденциями развития данной области права и законодательства.

Представления людей о преступлении и наказании отражаются в социальных процессах и одновременно отражают общественно-политические трансформации. Природа не содержит понятий «правило» и «норма». Эти понятия не объективны и присущи лишь человеческой цивилизации, а субъективность социальных норм следует за субъективностью обслуживаемых ими ценностей. Люди, соединяясь в сообщества разного уровня (группа, страта, класс, общество и, наконец, государство), имеют общие для этих объединений интересы, находящиеся в той или иной степени корреляции с индивидуальными и общенародными потребностями. Нормативное поведение *homo sapiens* является важнейшим и, возможно, одним из первых достижений человеческой культуры: нормы и правила служат необходимости воздействия общества на индивида с целью определения границ возможных для него деяний.

Ценности, как и нормы, не существуют в природе, они формируются индивидами под воздействием климатических и географических условий жизни людей, религии, особенностей исторического развития общества и других факторов. Бесконечное разнообразие этих факторов обуславливает существование большого количества социальных ценностей и, как следствие, множества охраняющих их социальных норм. Они определяются человеком (и человечеством) исходя из его потребностей, условий фактического бытия, чувственного (получаемого в ходе наблюдения) и эмпирического (рационального, получаемого через синтез чувственной и мыслительной деятельности) опыта [10, с. 5–13]. Ценности непостоянны, обществу присущ ценностный релятивизм, что обычно рассматривается как отрицательное явление. Разрушение традиционных ценностей связывают со снижением в обществе значения духовного и ростом роли материального. Релятивизмом ценностей объясняются процессы утверждения новых общественных моделей и социальных систем. Крахом неких «высших ценностей» интерпретируется, например, стремление к росту прибыли и материальному благополучию в рамках объективно существующей глобализации, также упоминаемой, как правило, с отрицательными коннотациями [12, с. 12–18]. Вместе с тем трансформация ценностей неизбежна, поскольку она является движущей силой развития общества и цивилизационных процессов в целом.

Вопрос о ценностях, охраняемых законом и особенно уголовно-правовыми средствами, всегда был крайне актуальным как в теории права, так и в практике правоприменения. Определение ценности тех или иных объектов и общественных отношений является основанием для криминализации деяний, причиняющих им вред. По объекту преступного посягательства структурирован уголовный закон; иерархия ценностей, которым причинен вред, влияет на характер юридической

ответственности, вид наказания, его меру и степень. Изучение и оценка современного состояния сферы борьбы с преступностью, объективированной в уголовном законе и уголовной политике, невозможны без определения иерархии подлежащих охране (по закону) и реально охраняемых (в силу практики правоприменения) ценностей и благ. Эволюция уголовно-правового воздействия, опосредованная уголовным законом и уголовной политикой, может рассматриваться как последовательный процесс трансформации ценностей, целей и видов наказания. Уголовное законодательство (как и право в целом) представляется феноменом, обладающим свойствами статики, упорядочивающим общественные отношения, сообщающим им качества стабильности и предсказуемости. Уголовная политика (как и политика вообще) – явление более широкого порядка. Это динамичная область, зависящая от многих сложно прогнозируемых факторов. На нее влияют, в том числе, и психологически обусловленные детерминанты: личные качества (ценности, цели и мотивы) правоприменителей и лиц, представляющих властные элиты и наделенных возможностью влиять на процессы применения права.

Аксиологический подход к пониманию движущих сил историко-правовой реальности основывается на определении ценностных доминант в процессах возникновения и развития тех или иных явлений, феноменов и событий. Формулирование и интерпретация «социальной полезности» может быть крайне широкой и неоднозначной. Толкование ценности, целесообразности и желательности как разных сторон полезности является индивидуальным для различных социальных классов, общественных страт и групп, а также для самих индивидов. Уголовные законы в государстве любой эпохи выражают существо экономического уклада, особенности общественного строя, религиозные и идеологические представления социума и, прежде всего, государственных элит о должном (правомерном) и недолжном (преступном). Этот подход позволяет не только описать историко-правовые трансформации, но и выявить их истинный смысл, определить их бенефициаров, обнаружить позитивные и негативные качества. Таким образом, ценностные начала в исследовании позволяют изучать сущность правовых явлений, исходя из осмысления отношения субъектов права к формированию той или иной правовой реальности.

Ценности у индивида и социальной группы служат основой для целеполагания своей деятельности, а цели могут достигаться различными методами, на выгоду и эффективность которых существуют, как правило, множество разных, иногда противоречащих друг другу, точек зрения. Каждый этап формирования ценностей индивидов и общества, должных целей и методов их достижения в немалой степени зависит от субъективных предпочтений, взглядов и идей субъектов политики и права.

Эффективность воздействия норм и правил поведения на общественные отношения можно оценить по тому, насколько позитивными являются изменения объективной реальности в результате применения требований юридических норм в жизни. Уже на данном этапе оценки изменений мы сталкиваемся с проблемой субъективизма. Отнесение тех или иных явлений к «позитивному» либо «негативному» подчиняется лишь самым общим представлениям о должном, сформированным культурой в обществе на определенном этапе его развития. При приближении к конкретным явлениям и обстоятельствам понятия «позитивное» (положительное) и «негативное» (отрицательное) формируются в индивидуальном сознании в зависимости от личных предпочтений, социального статуса, образования, возраста, жизненного опыта и многих иных обстоятельств реальной действительности. Указанные факторы, преломляясь в результате психических процессов в сознании индивидов в устойчивые убеждения, формируют у них определенный тип мировоззрения, влияющий на ценностные установки. Общая сумма индивидуальных ценностей детерминирует у социальной общности и, в конечном счете, у общества в целом, определенный целеполагаемый идеал, закрепляемый в морали и религиозных заповедях. Однако любые нормы и заповеди всегда относительны: даже самые известные и, казалось бы, концептуально важные, перманентно нарушаются с момента их провозглашения. Так, например, наиболее известные в мире заповеди «не убий» и «не укради» не сыграли видимой роли ни в бытовой повседневности (о чем свидетельствует статистика преступности), ни в предотвращении массовых убийств и передела собственности в результате войн, революций, геноцидов и других подобных социальных потрясений. Это обстоятельство актуализирует проблему правовых ценностей, т. е. тех достижений регулятивной культуры, которые невозможно игнорировать в силу их защиты государством.

Анализ эволюционных изменений в области уголовного права позволяет не только выявлять общие закономерности развития уголовно-правовых ценностей, обнаруживать заблуждения, свойственные индивидуальному и общественному правосознанию, порождающие дефекты правового регулирования в этой сфере, но и дать прогноз о перспективах развития общества и государства в будущем. Осмысление уголовного права в его развитии, восприятие прошлого правового опыта позволяет оценить его текущее состояние, сформировать актуальное современности правопонимание и правоприменение. Отечественное уголовное право, являясь основным инструментом обеспечения правопорядка с момента возникновения государства в IX в., следовало целям его становления и укрепления. В течение последующих девяти столетий верховная власть, обеспечивая и закрепляя процессы централизации государственной власти и

сословного расслоения общества, формировала и наращивала репрессивную уголовную политику. Уголовное законодательство развивалось по пути последовательной криминализации все большего количества деяний и многократного ужесточения ответственности за их совершение. Например, при князе Владимире в 996 г. смертная казнь применялась лишь за несколько преступных деяний (в основном, за убийство и разбой) [13]. По Соборному уложению 1649 г. основанием для применения этого вида наказания были уже 60 составов преступлений [16]; при Петре I таких деяний стало уже более сотни [15].

Законодательная отмена табу в отношении легального и массового причинения человеку смерти и калечащих наказаний навсегда положила конец эпохе криминальной невинности народа. Жестокость законов и безжалостность наказаний изменили правосознание населения. По образному выражению Дж.Б. Шоу, казнь есть самая отвратительная форма убийства, потому что совершается с одобрения общества. Став возможными в сознании людей, антигуманные перверсии в культуре сыграли свою отрицательную роль в переломные моменты развития общества и государства, наделив войны, революции и другие социальные потрясения признаками особой жестокости.

К субъективным факторам, определяющим содержание и состояние уголовной политики, относятся не только текущие интересы и рациональные цели правящих элит. Так, государственная политика Ивана IV («Грозного») в 1565–1572 гг., известная как «опричнина», была, по мнению большинства историков, обусловлена его психическим нездоровьем и проявлением тиранических наклонностей [6]. Заклучавшаяся в ужесточении власти и репрессиях в отношении любых несогласных, она привела к разорению государства и системному общественно-политическому кризису, поставившему страну на грань распада в Смутное время. «Оберегая государя, она колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготавливала действительную» [7]. В этом кратком определении В.О. Ключевского содержится емкий вывод о причинах неблагополучного состояния социума, применимый, к сожалению, не только ко времени правления Ивана IV и выходящий далеко за пределы отношений, регулируемых уголовным правом.

С середины XVIII в. в России можно наблюдать процесс «смягчения нравов» в обществе, непосредственным образом отразившийся и в праве. Этот краткий по историческим меркам полуторавековой период в истории отечественного права следовал общецивилизационной тенденции, подчинившейся импульсу рационализма и гуманизма эпохи европейского Просвещения XVII–XVIII вв.

Ф. Гегель говорил о том, что благодаря прогрессу образования смягчаются воззрения на преступления и в настоящее время наказания далеко не так суровы, как сто лет назад: другими стали не преступления или наказания, а отношение между ними [3, с. 144–145]. Однако и в этот период право продолжает охранять ценности сословного общества: отечественная уголовная политика следует закреплению идеалов этатизма, обеспечивая потребности всемерного укрепления центральной государственной власти. Население страны в таких условиях получает роль ресурса для достижения политических и иных (экономических, идеологических и т. д.) целей властных элит, состоящих в обеспечении их благополучия и безопасности на основе поддержания стабильности общественного устройства.

Прогрессивные либеральные реформы Александра II практически во всех сферах жизни общества позволяли решить давно наболевшие социально-экономические проблемы. Россия, получив во второй половине XIX в. зачатки гражданского общества и правового государства, имея в проекте прообраз Конституции (пусть и со всеми оговорками в ее неполноценности), очень быстро утратила все это с приходом к власти Александра III, имевшего иные ценностные консервативно-охранительные установки, реализованные им в политике и праве. Реакционные меры правительства, направленные на стабилизацию общественно-политической ситуации в России, ослабив революционное движение, обострили социальные противоречия и увеличили тяжесть грядущих социальных катастроф 1905 и 1917 гг. [4, с. 437–440].

Занимавший высший пост во властной вертикали СССР с 1922 по 1953 гг. И. Сталин был основателем тоталитарной диктатуры и организатором массовых репрессий, унесших жизни миллионов людей [17]. Сегодня сложно не согласиться с тем, что законодательство этого периода было кровавым, отбросившим принципы законности, гуманизма и справедливости в средневековую бездну [9, с. 44]. Уголовная политика государства, основанная на идеологической целесообразности, позволяла во внесудебном порядке применять ссылки (в том числе, семьями, населенными пунктами и национальностями) и казни. Смерть И. Сталина остановила продолжавшиеся (и набиравшие силу в послевоенный период) репрессии и изменила политический облик и правовую действительность в стране. Однако отягощение социума этим историческим грузом многие историки считают одной из причин краха государства менее чем через сорок лет после кончины диктатора.

Исторический анализ уголовной политики России свидетельствует о том, что акцентуация на уголовно-правовом устрашении в борьбе с преступностью способна дать положительные результаты лишь в краткосрочном периоде. Долговременное легальное насилие, зачастую

принимающее формы террора (1565–1584, 1698–1725, 1881–1894, 1899–1910, 1917–1953 гг.), лишь обостряло социальные противоречия, являющиеся основными криминальными детерминантами. Неизбежно возникающий за этим рост криминальных деяний, одновременно смещался в сторону тяжких и особо тяжких преступлений.

Проводя репрессии в отношении своих граждан, государство само становится преступником, совершающим деяния, несоизмеримые по своей тяжести и вредности последствий с «традиционной» преступностью. Разрыв между фундаментальными целями общества и методологией властного управления неизбежно оборачивается разрушительными кризисами: культурным, экономическим, социальным и, наконец, политическим. Уже в среднесрочной перспективе такая политика всегда приводит к культурной и правовой деградации общества, а в долгосрочной – может быть одним из важнейших триггеров, запускающих процессы государственного распада. Отечественная история дает примеры таких событий: Смутное время (1598–1613 гг.), революции (1905–1907 гг., 1917 г.), распад государства 1991 г.

Политические кризисы, в основе которых всегда лежат внутренние социальные противоречия, подрывают доверие общества к закону и власти. Детерминанты возникающего на этом фоне роста преступности являются очевидными и не могут быть устранены методами устрашения и ужесточения уголовной политики. Жесткая карательная практика на протяжении столетий удаляла из общества сотни тысяч человек путем смертной казни (в том числе без суда), каторги и тюрьмы (приводящих не к исправлению, а к десоциализации и совершенствованию криминальных навыков). Такая правовая политика исторически являлась одним из факторов, вызывавших тяжелейшие социальные кризисы, угрожавшие государству либо прекращавшие его существование.

Государство должно быть сильным; эта аксиома имеет древние корни. И на заре цивилизации в догосударственный период, и позднее шанс на выживание в противостоянии с природой, другими людьми и их группами имели только сильные сообщества: стадо, род, община и т.д. Любопытный подход к пониманию цели формирования определенной уголовной политики и уголовного права как инструментов обеспечения ценностей сильного государства имели Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев: сильное государство рассматривается как способное не только противостоять своей мощью угрозам (внутренним и внешним), но и доминировать во всех сферах общественной жизни [14, с. 131–144]. Действительно, практика государственного строительства издревле связывает понятие «силы» с «насилием»: чем выше насилие, чем строже законы, жестче наказания, суровее правоохранительная действительность, тем, как предполагается,

сильнее государство. Индуцированное властными элитами, такое понимание силы нередко поддерживается и населением. Это особенно характерно для государств с недемократическими политическими режимами, сосредотачивающими власть в руках правящего меньшинства и отличающихся единой идеологией, политизацией общественной жизни и жестким полицейским контролем над всеми социальными процессами. Такая концепция «сильного государства» в современном мире вряд ли справедлива: судьба СССР, который с подобной точки зрения был, безусловно, очень сильным государством, более чем красноречива. Представляется, что сегодня сила государства определяется не его способностью к насилию, а его успешностью в осуществлении собственных функций, основной из которых является обеспечение благополучия и безопасности граждан.

Глобальные социальные достижения в сфере производства, распространения и потребления информации, резкое увеличение коммуникативных возможностей людей, в том числе и связанных с невиданной ранее легкостью их физического перемещения по миру, привели к тому, что сословные общества, все еще сохраняя свои позиции в некоторых государствах, неизбежно уступают место человеческим объединениям, основанным на принципах свободы и равенства. Сегодня люди могут формировать мировоззрение и определять свою позицию по отношению к происходящему в государстве, праве и общественной жизни, составлять личное мнение к указанным явлениям в категориях «законно»–«незаконно», «справедливо»–«несправедливо».

Показательно, что политика уголовного устрашения, которая должна была прекратиться вместе с исчезновением сословного общества и неправового государства, и сегодня находит поддержку в современном российском обществе. Так, принцип равного возмездия за преступление (талиона), известный с древности и лежавший в основе классической школы уголовного права XVII – начала XIX вв.: «Карающий закон есть категорический императив» [5, с. 256], до сих пор сохраняется в общественном правосознании и общественной реакции на громкие преступления. Более того, этот древний принцип продолжает присутствовать и в теории наказания [8], и в законодательстве (через формулировку «восстановления социальной справедливости» как цели наказания в ч. 2 ст. 43 УК РФ) [1].

Вместе с тем, как показывает анализ исторического развития государства, права, эволюции уголовной политики и успехов в борьбе с преступностью, существует и обратная связь: чрезмерно жесткое применение специально-юридических, а не социальных мер (криминализация все большего количества деяний, ужесточение видов и сроков наказания и т.д.), оборачивается для общества потерями, многократно превышающими вред от самой преступности. Если право в

его позитивном понимании перестает служить прогрессу и гармонизации общественных отношений, оно автоматически становится инструментом, разрушающим стабильность общества и безопасность государства; законодательство перестает быть правовым, а социум возвращается в состояние, свойственное неэффективной архаике прошлого.

Пенологическая доктрина устрашения содержит в своем фундаменте жестокость законов. Общая превенция противоправных действий основана на инициировании страха перед наказанием у лиц, склонных к таким действиям, однако дегуманизация законодательства необратимо приводит к расчеловечиванию общества. Направленная на «запугивание» потенциальных преступников и не достигающая в этом значимых результатов, эта политика неизбежно оборачивается нарушением прав и свобод невиновных лиц.

Право создается государством, функции которого выполняют соответствующие законодательные органы и должностные лица, представленные людьми, составляющими властную (правлящую, политическую) элиту. В государстве с любым политическим режимом властные элиты составляют крайне незначительную часть населения, однако, чем более демократическим является в государстве политический режим, тем точнее создаваемое право и следующая за этим политика (в данном случае уголовная) соответствуют ценностям и запросам широких слоев населения [2].

Рациональность, целесообразность и эффективность уголовной политики современного государства не может быть достигнута ни посредством реализации принципа талиона, ни путем устрашения. Обе эти доктрины закрепляют в общественном правосознании возможность существования насилия для достижения неких социально-полезных целей. Длительная эволюция уголовного права сформировала его новый облик, в котором отказ от телесных наказаний, смертной казни и каторжных работ, появление наказаний, альтернативных лишению свободы, увеличение количества оснований освобождения от ответственности и наказания являются несомненными преимуществами. В современных условиях уголовно-правовая политика, право в целом и государство вообще могут быть эффективными только в том случае, если в фокус своего внимания включает индивида и его права, не наделяет граждан свойствами ресурса, который можно расходовать для достижения каких-либо целей (экономических, политических, идеологических и т.п.), а присваивает ему качества капитала, который требует заботы и приумножения.

Социально-политические трансформациями в конце XX в. обусловили качественные изменения в уголовном законодательстве и уголовной политике России. Сегодня является общепризнанным вывод социологов и криминологов о том, что основной (но не единственной)

причиной преступности являются социальные противоречия, отражающиеся на условиях существования индивидов. Преступления порождает система; отсюда «лучшая уголовная политика – это политика социальная» [11, с. 76].

Тренды уголовной политики России сегодня настолько разнонаправленны, что порождают сомнение в существовании единого направления данной сферы социальной деятельности. Достаточно сказать, что Уголовный кодекс России с начала его действия в 1997 г. до настоящего времени претерпел тысячи изменений, внесенных в него более чем тремястами федеральными законами и постановлениями Конституционного суда РФ¹. Общие тенденции в развитии современной отечественной уголовной политики говорят об отсутствии четко сформулированных концептуальных основ в этой сфере. Иллюзия гуманизации, признаваемой прогрессом в эволюции права, не согласуется с криминализацией и пенализацией деяний, не обладающих достаточной для уголовного преследования степенью общественной опасности, а ужесточение ряда уголовно-правовых норм и практическое усиление уголовной репрессии не соответствует имеющейся в стране криминальной ситуации.

Закон прямолинеен, политика тонка и выражает суть личных, групповых и общесоциальных интересов. Но она является не только фокусом экономических и иных потребностей, но и характеризует понятие властных элит о «должном», не всегда основанное на рациональности права и закона. Специально-юридические средства могут иметь успех только в том случае, если в их основании будут лежать меры социального характера, направленные на сглаживание социальных противоречий.

Рациональный разворот от карательных идей к правосстановительному мировоззрению возможен лишь при условии внедрения в правовую культуру общества и его элит современных взглядов на право. Мудрость законодателя и правоприменителя в сфере борьбы с преступностью состоит в соблюдении баланса, в непричинении действием закона вреда большего, чем причинено преступлением. Очевидным следствием из аксиомы о приоритете прав человека (ст. 2 Конституции РФ) как исходной нормы для формирования всего законодательства, является постулирование главной задачи уголовной политики: защита прав и свобод человека и гражданина.

¹ СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/10108000/?ysclid=lluo8nkwi8975739867> (дата обращения: 07.11.2023).

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Антонченко В.В. Право и демократия в политической системе общества // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 2. С. 148–157.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 504 с.
4. История России с начала XVIII до конца XIX века / под ред. Сахарова А.Н. М.: Институт Российской истории РАН, 1997. 578 с.
5. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в шести томах. Т.4. II. М., 1965. 478 с.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. (12 т.). СПб.: Золотой век, Диамант, 1997. Кн. 3. (Т. 9–12). 702 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч.2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
8. Корсаков К.В. Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине. М.: Юрлитинформ, 2007. 224 с.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. 624 с.
10. Лебедев С.А. Чувственное и эмпирическое знание в науке: сходство и различие // Известия Российской академии образования. 2019. № 1 (49). С. 5–13.
11. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть (перев. с нем.). М., 1903. 358 с.
12. Малыгина Г.В. Трансформация ценностей в эпоху глобализации как социально-философская проблема // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 12–18.
13. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Лихачева Д.С.; под ред. Адриановой В.П. СПб.: Наука, 1996. 668 с.
14. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131-144.
15. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. 511 с.
16. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: изд-во МГУ, 1961. 414 с.
17. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2012. 480 с.

Об авторе:

АНТОНЧЕНКО Вадим Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России» (690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский остров, п. Аякс 27), SPIN-код: 5358-1098, ORCID: 0000-0002-0319-562X, Researcher ID: AAB-4863-2022, e-mail:

antovadim@yandex.ru

HISTORICAL AND THEORETICAL APPROACH IN UNDERSTANDING THE CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

V.V. Antonchenko

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency
Situations of Russia, St. Petersburg

The object of the study is the nature of the means and methods of combating crime, reflecting the essence of social relations at different stages of the development of society. The subject of the study is the value content of criminal policy, determined by both objective and subjective determinants. The aim is to establish the relationship between the nature of criminal policy and the result in the field of law enforcement. Using the historical-legal method and the value-legal approach, the method of description and interpretation, the author concludes that the talion principle and the concept of intimidation, which have dominated the strategy of combating crime for centuries, are not consistent with the foundations of a social democratic rule of law, the highest goal of which is to ensure human rights. The harsh punitive policy of the state does not achieve the goal of crime prevention; on the contrary, the tightening of criminal repression provokes its growth. The multiplication of legal violence, inadequate to criminal threats, puts the state in the place of the criminal. The modern approach to understanding the state and law requires a rational paradigm of restitution of the right violated by the crime, which is not subject to political, ideological and any other conjuncture. This paradigm is inevitably associated with the liberalization of the criminal law and the humanization of criminal policy.

Keywords: *crime, punishment, law, punishment, talion, criminal law, criminal policy, history of punishment, history of criminal law, goals of punishment, humanization, correction.*

About author:

ANTONCHENKO Vadim – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Far Eastern Fire and Rescue Academy - a branch of the St. Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (690922, Russian Federation, Vladivostok, o. Russian Island, Ajax 27), SPIN code: 5358-1098,

ORCID: 0000-0002-0319-562X, Researcher ID: AAB-4863-2022, e-mail: antovadim@yandex.ru

Антонченко В.В. Историко-теоретический подход в осмыслении уголовной политики России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (77). С. 144–155.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023 г.
Подписана в печать 14.03.2024 г.